

Антонова Елена Леонидовна, Таранова Александра Евгениевна

**"СИНДРОМ АУТИЗМА" КАК НАСЛЕДСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БОЛЕЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА (ОПЫТ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Если полную неспособность слышать и понимать других, демонстрируемую современным совокупным Западом, авторы рассматривают как наследуемый от Старой Европы культурно-цивилизационный синдром "аутизма", характерным признаком которого выступает крайне ограниченный и неизменяемый набор реакций, поведенческих актов и представлений, то либерализм видится авторами как форма проявления "социопатии" правящих верхов. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению "города" и "деревни" сквозь призму мир-системного анализа как феноменов, эволюционировавших в мир-системы Запада (как потенциального "города"), России и других незападных культур (как потенциальной, с точки зрения Запада, "деревни").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/3.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 20-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

Если полную неспособность слышать и понимать других, демонстрируемую современным совокупным Западом, авторы рассматривают как наследуемый от Старой Европы культурно-цивилизационный синдром «аутизма», характерным признаком которого выступает крайне ограниченный и неизменяемый набор реакций, поведенческих актов и представлений, то либерализм видится авторами как форма проявления «социопатии» правящих верхов. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению «города» и «деревни» сквозь призму мир-системного анализа как феноменов, эволюционировавших в мир-системы Запада (как потенциального «города»), России и других незападных культур (как потенциальной, с точки зрения Запада, «деревни»).

Ключевые слова и фразы: политическая глобализация; мир-системный анализ; синдром аутизма как культурно-цивилизационная болезнь современного Запада; мир-системы «города» и «деревни»; концептуальная реконструкция; либерализм как рецидив проявления «социопатии» правящих верхов.

Антонова Елена Леонидовна

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-pi-fan@yandex.ru*

Таранова Александра Евгениевна

*Белгородский юридический институт МВД Российской Федерации
ser.taranoff@yandex.ru*

**«СИНДРОМ АУТИЗМА» КАК НАСЛЕДСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
БОЛЕЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА
(ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)[©]**

Истинные причины цветных революций на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве, не только срежиссированных, но и военно и информационно поддержанных «блоком» США и Европейского союза, ведущих «свою игру», требуют самого тщательного разбирательства, всеохватность которого еще впереди. Однако уже сегодня анализ побудительных причин информационного искажения ливийских, сирийских, украинских и др. событий позволяет говорить о полной зацикленности на своей самости совокупного Запада, демонстрирующего *абсолютную неспособность* слышать и понимать других. В этом контексте речь должна идти о синдроме *социального, экономического, идеологического и политического «аутизма»* как культурно-цивилизационной болезни, унаследованной современным Западом от Старой Европы, впервые заявившем о себе задолго до теоретического обоснования европоцентризма (Ганзейский союз, ведение агрессивной колониальной политики), вызревшего на почве *преувеличенной самооценки в самоистолковании себя и заниженной оценки* (две «горячие» мировые войны, одна «холодная», ползучая идеологическая, экономическая и политическая экспансия) в *истолковании места* России (как и др. незападных культур) в мировом культурно-историческом процессе. В условиях политической глобализации синдром «аутизма» как наследственная болезнь современного Запада, замкнутого «на себя», не только не излечивается, но еще больше обостряется.

Когда при осмыслении базисных оснований современного Запада (по ментальности – потенциального «города»), России и др. неевропейских культур (по ментальности, с точки зрения Запада, потенциальной «деревни») как альтернативных систем жизнеустройства возникают трудности при выборе методологических оснований их описания и изучения, – на первый план выходит не социокультурный, традиционно используемый для исследования обществ, а не их систем, а мир-системный анализ, который, на первый взгляд, «схож с цивилизационным, но идет несколько дальше» [10]. А поскольку мир-системный анализ используется не столько как анализ эволюции социальных систем, охватывающих одну цивилизацию, сколько как анализ социальных систем нескольких цивилизаций, – его привлечение к осмыслению «города» и «деревни» как первичных – базисных – социально-культурных мир-систем, эволюционирующих в мир-экономики (европейские культуры) и мир-империи (Россия в их числе), обретает статус постановки проблемы.

Такая постановка проблемы тем более актуальна, что с началом экономической глобализации, предшествовавшей политической, наблюдается тотальный *отказ от стадийно-прогрессивной* трактовки истории, в то время как с отходом от нее уходит понимание того, что в социально-исторической динамике культуры человечество вырабатывает только *две основные исторические формы поселения*, связанные с *двумя типами укладов* – село и город» [5, с. 59], которые дают начало разным типам цивилизаций, со своим типом самосознания, самоистолкования себя и со своим специфическим миро-ощущением как *«миро-измерением»* каждая. И хотя смена одной формы жизнеустройства как бытового уклада («деревня»)

на другую («город»), равно как и последовательный переход от одной формы общественного устройства (рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и т.д.) к другой, не являлись предсказуемыми¹, – как культурно-исторический факт они не только фиксируются в марксистской теории, но и подтверждаются самим ходом реальной истории. С этой точки зрения интерес вызывают альтернативные концепции:

– Г. Чайльда, согласно которой культура развивается через следующие друг за другом «революции» – 1) орудийную, 2) неолитическую – аграрную («деревня») и 3) городскую – как «механизмы» смены форм общественного устройства;

– А. Хаузера, которая связывает развитие культуры с развитием искусства «доисторических времен», «древневосточных городских культур», «городских культур античности», Средневековья и «городского Ренессанса» [2], игнорируя художественную культуру «деревни»;

– и теория О. Шпенглера, который прямо говорит о проблеме уничтожения городом органически-жизненного мира деревни, а вместе с ней – крестьянства с его способом познания и отличным от городского отношением к природе и миру.

Обращение к мир-системному анализу позволяет понять, почему «город» и «деревня» выступают в мировой истории основными антагонистами: как онтологически, экзистенциально и антропологически разные мир-системы, они формировались строго в соответствии с социальной структурой, особенностями внутренней организации, принципами управления, формами деятельности, утилитарно-духовными потребностями и способами («письменный» – «город» и «неписьменный» – «деревня») обмена информацией, которые были свойственны каждой из них. Как результат, «город» и «деревня» «говорят» на разных «языках»: «деревня» – на «языке преодоления», а «город» – на «языке силы». Так же, как по-разному мыслят и придерживаются разных истин «производные» от них западные и незападные (Россия первая в их числе) общества, осуществившие свой исторический и экзистенциальный выбор. Истина же состоит в том, что если «деревенская» Россия понимает историю как процесс *перманентного созидания* (состояние мира), то в представлении «городского» Запада, способом существования которого является создание ситуации «войны всех против всех» (Т. Гоббс), – только *перманентное противостояние* (как смена войны и мира) и есть история². С этой точки зрения интерес вызывает *глобализация* как западный *геостратегический проект*, нацеленный на построение *однополярного мира*.

С появлением означенного геостратегического проекта в научно-политическом дискурсе сталкиваются два основных подхода в понимании цели и результата построения однополярного мира. И тот факт, что Ф. Фукуяма поспешил заявить о конце истории, а С. Хантингтон, как «зрящий в корень», спрогнозировал столкновение цивилизаций, позволяет рассматривать и эту проблему сквозь призму мир-системного анализа. Так, Фукуяма, американец японского происхождения (по ментальности – «деревня»), увидел смысл моноцивилизационной глобализации *в преодолении* разногласий и конфликтов на мировоззренческо-идеологической почве, что, по его мнению, означает «худой мир» как «конец истории». Однако в момент ее старта он еще не понимал, что пока есть война – «холодная» или «горячая», – у Запада есть история, фиксирующая «эффективные (война) шаги» по достижению безальтернативной гегемонии. Только использование западом «негодных» технологий и средств в построении однополярного мира заставляют Фукуяму признать глобализацию «мирной» попыткой достижения «конца истории» ошибочной. В представлении «городского» по ментальности С. Хантингтона, построение однополярного мира означает (как латентная цель) *глобальное противостояние* мировоззрений, идеологий, что ведет к столкновению цивилизаций, из которого победителем должен выйти Запад. С этой точки зрения моноцивилизационная глобализация как геостратегический проект есть одно из проявлений «синдрома аутизма» современного Запада. Сказанное позволяет понять, что – по своей глубинной сути – *отказ Запада от стадийно-прогрессистского измерения мировой истории* не просто нивелирует устоявшиеся оценки прошлого, что «путает» обывательские представления о прошлом, настоящем и будущем, – он *дезавуирует стоящую за ним борьбу* западных правящих кланов за мировое доминирование и геостратегические устремления последних.

«Отцом-основателем» мир-системного подхода считается Ф. Бродель, но разработка и внедрение в научный оборот мир-системного анализа в 1970-е годы XX в. осуществляется И. Валлерстайном и А. Гундер Франком. Поскольку в основании мир-системного анализа лежат системность и широкий охват исторического пространства и времени, – для понимания сущности и специфики социальных изменений привлекаются не общества и государства, как в традиционно исторических, философских и культурологических исследованиях, а Мир-Система в целом.

В представлении И. Валлерстайна, «современная Мир-Система зародилась в т.н. «длинном XVI веке» (приблизительно 1450-1650 годы) и постепенно охватила собой весь мир. До этого времени в мире одновременно

¹ Как показывает история, вектор исторического перехода нельзя предсказать – его можно только констатировать. Если только «исторический переход», как в эпоху нынешней искусственной глобализации, не навязывается извне. Серия цветных революций на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве (в Украине в частности) красноречиво свидетельствуют как раз о попытке Запада не предсказывать, а по своему усмотрению регулировать исторические переходы.

² Если «деревня», нацеленная *на преодоление*, несмотря на периодическую сдачу своих позиций «городу», переживает «циклическое» Возрождение, то «город», развивающийся путем *разрушения* всего, что ассоциируется с «деревней», поступательно движется к своему концу. Этот же алгоритм экстраполируется на западные (как потенциальный «город») и незападные (потенциальная «деревня») мир-системы, которые наследуют жизненные ритмы и стереотипы самовоспроизводства «города» и «деревни».

существовало множество мир-систем» [10]. Для их описания в качестве единицы анализа И. Валлерстайн избирает исторические системы, которые существуют в двух основных формах «мини-систем» и «мир-систем», последние из которых делятся на «мир-империи» и «мир-экономики». Но если мини-системы характерны для первобытных обществ, основанных на отношениях взаимообмена, то для сложных аграрных обществ как мир-систем характерны мир-империи и мир-экономики. Мир-экономики представляют собой системы обществ, связанных тесными экономическими связями, выступающих в качестве определенных эволюционирующих единиц, не объединенных в единое политическое образование, а «мир-империи характеризуются *взиманием налогов* (дани) с провинций и *захваченных колоний*» [Там же].

Изложенное означает, что «синдром аутизма» – как наследственная культурно-цивилизационная болезнь современного Запада – не позволяет ему критически осмысливать ни сложившуюся геополитическую реальность, ни свою «цивилизационную нишу» в ней: если первое – «взимание налогов» – является «универсальным принципом» функционирования всех социальных систем (и мир-экономик, и мир-империй), вне зависимости от моделей экономического устройства, то последнее – «*захват колоний*» – является способом существования мир-экономики совокупного Запада, а не мир-империй. В такие мир-империи, как Россия, например, вступали добровольно, ища защиты от колониалистских посягательств «эволюционирующих единиц», составляющих костяк мир-экономик староевропейского Запада.

Тем не менее, по мнению И. Валлерстайна, все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политическое объединение под властью одного государства. Единственное исключение из этого правила – «средневековая европейская мир-экономика, которая трансформировалась не в мир-империю, а в современную капиталистическую мир-систему» [Там же]. Он считает, что современная капиталистическая мир-система состоит из ядра (наиболее высокоразвитые страны Запада), полупериферии (в XX веке – социалистические страны) и периферии (третий мир). Но даже беглый взгляд на мир-системный анализ И. Валлерстайна позволяет рассмотреть лежащую в его основании идеологию «европоцентризма», прогнозируемо трансформировавшегося в «западоцентризм». По нашему мнению, именно теоретическое обоснование европоцентризма выступает «лакмусовой бумагой», показавшей наличие у Старой Европы всех признаков «синдрома *аутизма*» как наследственной культурно-цивилизационной болезни современного Запада, на системную борьбу с которым в XIX в. первым встал Н. Я. Данилевский.

Вариант мир-системного анализа, предложенный А. Гундер Франком, существенно отличался от валлерстайновского. Он исходил из того, что «утверждения о возможности одновременного существования в мире десятков и сотен «мир-систем» во многом обесмысливают само понятие Мир-Системы» [Там же]. По мнению Франка, «речь должна идти лишь об одной Мир-Системе, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации охватила собой весь мир» [Там же]. А. Гундер Франк вполне искренне полагал, что «в ходе эволюции Мир-Системы ее центр неоднократно перемещался. Вплоть до его перемещения в XIX веке сначала в Европу, а затем в Северную Америку этот центр многие века находился в Китае» [Там же]. В связи с этим наблюдающийся в последнее время подъем Китая Франк интерпретировал как начало возвращения центра Мир-Системы в его «естественное место после кратковременной европейско-североамериканской «интерлюдии»» [Там же]. Однако такое видение мировой истории представляется не менее тенденциозным, чем валлерстайновское, и выглядит тем более «однобоким», что:

- во-первых, «деревенский» Китай, из которого по длинной цепочке посредников в «городскую» Европу доставлялись шелк, порох и фарфор, как объект исследования попадает в поле зрения только с окончанием колонизации последнего англичанами;

- во-вторых, если речь идет о мнимой мир-системной близости Востока и Европейского Запада, то нашумевшая в свое время теория восточного происхождения европейских языков, отнесенных к *индоевропейской группе*, генетически была связана не с Китаем, а с Индией и ее мир-системной духовной практикой;

- в-третьих, мир-системный анализ А. Гундер Франка, как и мир-системный анализ И. Валлерстайна, основан на одномерном – монистическом – шаблоне возникновения мировой цивилизации, в качестве теоретического обоснования европоцентризма предложенном И. Гердером, поддержанном Ж. Кондорсе и развитым Ф. Гегелем в его «Философии истории». Однако уже в XIX веке на гегелевский европоцентристский тезис-«вызов» России как потенциальному объекту экспансии: Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало – был дан «ответ» теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, в начале XX в. – теориями локальных культур и локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби, а также – концепциями евразийства и востокоцентризма, обосновывающими особость культурно-исторических путей развития не только «аутистски» настроенной мир-системы Старой Европы, но и мир-систем России и Востока. Именно они открывают дорогу «плюрализму» в цивилизационном направлении осмысления культур.

Представляется, что в «ответной» теории Н. Я. Данилевского задействован естественно-научный *принцип несводимости «высшего»* («европоцентризм») как преувеличенная оценка роли европейской культуры в мировом культурно-историческом процессе) к *«нижнему»* (преуменьшенная оценка роли России и неевропейских культур в мировом культурно-историческом процессе), направленный против *редукционизма* как методологического принципа научного исследования. Поэтому при проведении исторической, социально-культурной, философско-культурологической, а тем более концептуальной «реконструкции» и онтологически, и экзистенциально разных (город – деревня) форм социальной жизни некорректно осуществлять редукцию концепций, выработанных для одной мир-системы («город», урбаноцентристский Запад), на мир-системы другого типа («деревня»,

Россия¹, Восток или Азия). Тем более что Россия, как пример, сама по себе есть не просто самодостаточная, но и синтетическая – «город-деревня» – Мир-Система. В случае же использования редукции следует осуществлять не формально-логическую, как это упорно делают западные исследователи, а *содержательную экспликацию*, позволяющую рассмотреть не столько слабые, сколько сильные стороны исследуемого «инога».

С этой точки зрения одномерное европо-западо-центристское – как «монистически-аутистское» – измерение мировой истории, лишённое «точек роста» (в нем за единицу анализа берется не «город» как «исходный феномен», а производная от него мир-экономическая система Запада), себя изначально исчерпало. По этой причине, при всей противоречивости осмысления мирового культурно-исторического процесса сквозь призму мир-системного анализа, осмысление проблем, связанных с глобальной «конструкцией-деконструкцией» исторически сложившейся Мир-Системы, позволяет утверждать, что исходными антагонистами в мировой истории были «город» и «деревня», а остаются производные от них: 1) урбаноцентристская, «аутистски» настроенная мир-экономическая система западной цивилизации и 2) «культуроцентристские» мир-системы России (Востока и Азии). В этом контексте, при осмыслении «города» и «деревни» как онтологически первых мир-систем, последовательно формировавшихся в ходе социально-культурной эволюции, следует говорить об «экзистенциальном выборе» последних не с точки зрения «культурного разрыва» («классика»), а с позиции результата («постнеклассика»): «город» («центр») как специфически организованная мир-система, акцентированная на «материальном», порождает мир-экономики (Запад), а «деревня» («городская» периферия), ориентированная на «духовное», созидает мир-империи (Россия как «деревенская периферия»). Причем Россия XX столетия становится первой и пока единственной в мировой истории мир-экономической системой, продемонстрировавшей их синтез.

Поскольку с позиций мир-системного анализа, предложенного И. Валлерстайном, Мир-Система как целое включает в себя исторические системы, которые существуют в двух основных формах – 1) формах «мини-систем» (первобытные общества) и 2) «мир-систем» (аграрные общества, трансформировавшиеся одни в мир-империи («деревня»), другие – в мир-экономики («город»)), – проблема возникновения синдрома «аутизма» как наследуемого культурно-цивилизационного недуга современного Запада определяется необходимостью осмысления глобальной проблемы современности, возникшей из исторического противостояния «города» и «деревни» как онтологически разных форм жизнеустройства и экзистенции. Именно их противостояние в *ретроспективе* порождает перманентные потрясения и мир-системные (понимаемые как «межкультурные», а сегодня – как «межцивилизационные») конфликты, в *перспективе* – ставит под вопрос необходимость сохранения таким образом сложившейся Мир-Системы.

Концептуальная реконструкция исторически сложившейся Мир-Системы в контексте мир-системного анализа позволяет понять, что если изначально 1) речь идет об онтологическом, экзистенциальном и культурном «разрыве» между «городом» и «деревней», в эпоху 2) «европоцентризма» – о мироощущенческом «разрыве» между Европой и Россией, то 3) в условиях политической глобализации [3] – как эпохи прогрессирующего «западоцентристского аутизма» – речь идет уже о ценностно-ориентационном «разрыве» между мир-экономической системой Запада и мир-системами России (Востока и Азии) с их *полярными «жизнеустремлениями»*. С этой точки зрения говорить об отставании или лидерстве кого-либо из них есть непростительное, «аутистски» отмеченное самовозвеличивание исторического (Старая Европа) и современного Запада. На самом деле, Россия, Запад, Восток или Азия всего-навсего идут разными путями к разным целям: Запад (как потенциальный «город») по-прежнему интересуется мировое доминирование, откуда гонка вооружений и тяга к разработке «подавляющих» технологий, Россию (как синтез «города» и «деревни») – технический прогресс в самом широком смысле этого слова, где военные технологии занимают подчиненное положение, Восток – духовные практики и их распространение, Азию – культивирование самоуважения. Тем не менее рассмотрение причин «разрыва», направляемого в русло противостояния, начинается и продолжается не с осмысления и принятия как данности свойственных мир-системам «города» (Запад) и «деревни» (Россия) разных форм рациональности и способов мышления, выработанных в ложах онтологически разных социально-культурных сред, а с навешивания «ярлыков» в духе конкретно-исторического времени – «рациональная-иррациональная», «традиционная-нетрадиционная» (классика), «модерн-архаика», «развитая-неразвитая» (неклассика), «демократическая-тоталитарная» (постнеклассика) и т.д.

Поэтому, осмысливая с позиций мир-системного анализа первопричины *«отрицательной мир-системной комплиментарности»* «города» и «деревни» (а вместе с ними – Запада и России), спорадически порождающей состояние «социального хаоса» (войны), нельзя не обратить внимание *на культивирование* в городской социально-культурной среде *положения «культурной недостаточности»* [4] всех, кто не принадлежит к «городу» («деревня»), а в «городе» и «деревне» – к социальным (политическим, финансово-экономическим, правящим) «верхам» всех уровней. Культивирование положения «культурной недостаточности» в современном обществе, где критерием культурной достаточности-недостаточности выступает, собственно, уровень потребления, лишний раз свидетельствующий о непреодолимом не только имущественном, но и «правосубъектном» неравенстве индивидов, обусловленном социальным статусом, становится видимым результатом «прямого действия» синдрома социального, экономического, политического и идеологического (либерализм) «аутизма» современного Запада, навязываемого незападному миру через прозападную оппозицию.

¹ Сформированные на ином историческом и социокультурном материале, категории западных общественных наук, с их «априорными конструкциями и безличным историческим процессом» [9, с. 356], по определению не могут адекватно отражать реалии русской культуры в ее духовном, социальном и цивилизационном аспектах.

Именно по этой причине в условиях формирования *Нового мирового порядка* означенная проблема – по своему смысловому содержанию – должна трансформироваться в онтологически, экзистенциально и антропологически отмеченную проблему реализации «суверенного права» на автономное и по-настоящему равноправное существование всех типов мир-систем в «конструирующейся» на иных принципах Мир-Системе. В этом контексте обращение к генезису мировой цивилизации как исторически сложившейся Мир-Системе с позиций мир-системного анализа создает ситуацию «*пред-понимания*» не только специфики протекания современных социально-культурных процессов, но и тех геополитических и антропологических «сдвигов», которые в эпоху глобальных социально-культурных трансформаций изменяют не только традиционные («классика»), но и посттрадиционные («постнеклассика») представления о «должном» и «сущем».

Между тем, когда речь идет о формировании «нового мирового порядка», – возникает ощущение «*dejavu*». Простое обращение к исторической периодизации позволяет утверждать, что европейская история выступает как *перманентное разрушение «старого» и построение «нового» порядка*, понимаемое «городом» (и Западом как «городом») как *развитие* (прогресс). С этой точки зрения интерес вызывает изгойское положение «деревенской» России, которое усугубляется с доминированием в мир-системе предренессансной Европы зажиточных бюргерских субкультур, создававших «*сквозную поперечную структуру*» «*городов*» [8] как целенаправленного движения к «внутриевропейской глобализации», напрямую связанной с установлением *нового европейского порядка*. Речь идет о торгово-предпринимательских сословиях¹, которые со времен Средневековья «поддерживались князьями, городским патрициатом или церковью и образовывали, выражаясь современным языком, некое *сверхнациональное европейское единство*» [Там же, с. 111] (выделено Шелером – Е. А.). Изначально основу сквозной «*сословной поперечно-структурной системы города*» составляли *ростовщики*. Став ядром *торгово-предпринимательских сословий*, они, по сути, создают *меж- и надгосударственную систему торгового посредничества*, корнями уходящего в Ганзейский союз (XIII в.), сделавший экономику европейских государств не столько *взаимосвязанной*, сколько *взаимозависимой*. Именно здесь следует искать начало трансформации мир-системы западной цивилизации в мир-экономику с перспективой формирования единой Европы и «глобального управляющего класса» (как промежуточных целей) и «мирового» правительства (как задачи на перспективу) – первых признаков синдрома «культурно-цивилизационного аутизма». С этих позиций «*сверхнациональное европейское единство*» есть, на самом деле, *не великое братство* европейских народов, а *союз производителей и торговцев*, который призван сделать мир-экономику Европы (а сегодня – совокупного Запада) сильнее экономик всех незападных мир-систем вместе взятых. Всем, кто не входил в «сверхнациональное европейское единство» (Россия как ближайший сосед есть первая из них), перманентно противостояла «урбаноцентристская», экономически консолидированная Европа.

Последнее становится питательной почвой для обострения в Старой Европе синдрома «аутизма» как формы *необратимого нарушения коммуникации*. В условиях политической глобализации именно последнее позволяет Западу, заикленному на бессмысленном ведении бизнеса ради бизнеса, изолировать себя от «интересубъективной реальности», как изолирует себя от реальной жизни всецело погруженный в виртуальную реальность современный «город». Воспринимая себя единственным *субъектом действия*, Запад видит во всех, кто «не Запад», *объектов* своего влияния, что объясняет *навязчивое стремление навязывать* незападному миру «свою игру». Подтверждением сказанному выступает *приоритет внутреннего права над международным при ведении Западом своей геополитической «игры»*.

Иными словами, воспринимающий как реальность только себя и выдавая себя же «за мировое сообщество», Запад изначально не был склонен реально оценивать происходящее, что начисто лишает его способности к саморефлексии. Не удивительно, что, как и у «клинического аутиста», его историческая и современная реальность исчерпывается крайне ограниченным набором реакций, поведенческих актов и представлений. Это:

- зависть-ревность, интерпретируемая как «здоровая конкуренция»;
- неосознанный – на уровне рефлекса – поиск источников прибыли;
- подсознательный – на уровне рефлекса же – подсчет прибыли и потерь;
- перманентное уличение «партнеров» в «двойных стандартах» как изобретенная аутистским Западом «технология» быстрого достижения поставленной цели.

А поскольку категорическая неспособность слушать и слышать оппонентов, понимать их точку зрения, вести *равноправный диалог*, быть готовым к конструктивной критике и перманентная зависть-ревность (как и бизнес ради бизнеса) не рождают ни способности видеть себя со стороны (откуда полная неспособность к саморефлексии), ни привязанностей, ни созидательной деятельности, дающих чувство удовлетворения и самодостаточности, – единственной смысложизненной целью Запада, помимо синдрома «аутизма», страдающего «социопатией», становится месть незападному миру и, прежде всего, России за самодостаточность, недоступную ему самому. И в этом он близок к безумию, которое мало-помалу движет его к концу.

С учетом означенных реалий аутизм, по мнению авторов, правомерно рассматривать как синдром, свойственный не только индивидам, но и социальным группам, нациям как *социально-политическим образованиям*

¹ Показательно, что для обозначения точки зрения торгово-предпринимательских сословий, по сути, определявших «лицо» европейского города, выступавших от его имени и выражавших пресловутое «общественное мнение», использовалось собирательное обозначение «горожане». Начиная с XIX в. «рупором» «общественного мнения» становится зависящая от торгово-промышленных и финансовых кругов высокооплачиваемая научная и творческая элита.

и даже цивилизациям. Представляется, что наряду с западным следует особо выделить исламский «аутизм». Восточный «аутизм» (Индия, Япония, Китай) можно рассматривать сквозь призму преодоленного феномена. Только русско-славянская цивилизация – в ее историческом измерении – есть единственная самодостаточная Миров-Система, стоящая между Западом и Востоком, совершенно свободная от него.

Здесь на первый план выступает политика как сугубо «городской» феномен. Она представляет собой «бинарный» феномен, внутренний «вектор» которого *подчинен* совокупности *локальных* (обусловленных конкретными природно-климатическими условиями) и *ментальных* (естественно возникших в границах конкретно-территориального пространства) «*императивов*», а внешний – ориентирован на учет постоянно меняющихся внешних «вызовов» и «раскладов». Учет совокупности объективных (пространство) и субъективных (ментальность) императивов и внешних факторов-вызовов позволяет использовать политику как инструмент подчинения внешних «вызовов» и «раскладов» своим интересам, что с течением времени формирует у «города» (и Запада как потенциального «города») своеобразную «ментальность», нацеленную на конструирование «своей» реальности (как «программы саморазвития»), через изменение «чужой». Так, по своей измененной сути, политика превращается в геополитику, понимаемую как «*рациональное исправление «иррациональности»*» протекания исторических и социокультурных Миров-Процессов. В эпоху политической глобализации западная геополитика трансформируется в геостратегию, направленную на разрушение существующего Миров-Порядка. С этой целью:

- все, кроме западной, локально существующие экономические модели мир-системного развития (плановая экономика, например) объявляются «сухими ветвями» древа мировой цивилизации как целостной Миров-Системы и подлежат безжалостному уничтожению;

- место сложно определяемого «городом» этносоциального феномена под «деревенским» названием «народ» должна занять некая виртуальная «антропологическая масса», которая категорически *вне*-национальна, а место национальных политических классов – узкая прослойка мировой правящей элиты, которая безоговорочно *над*-национальна;

- имеет место не столько демонстрация готовности аутистски настроенного Запада попать международное право, сколько настойчивое стремление *свое – внутреннее – право* сделать международной нормой.

В этом контексте речь должна уже идти о рецидиве «*социопатии*» (неизменного спутника «социального аутизма»), которая в социально-исторической динамике культуры выступает в качестве латентно протекающего недуга правящих элит Старой Европы и современного Запада, категорически не органичного России.

С этой точки зрения показательно, что сложившийся в европо-урбано-центристской мир-экономической «модели» *либерализм*¹ как «несоциальная социальность» (И. Кант) обслуживает исключительно интересы узкого круга региональной и мировой «демократической» элиты. Теоретически «обоснованный» староевропейской и поддержанный современной западной элитой, банально страдающей «социопатией», *либерализм «наследует те же специфические и неуничтожимые пороки»* [6], что и породившая его аутистски настроенная мир-экономическая система, «с тем же неуничтожимым характером» [Там же]. С этой точки зрения замечание С. Хантингтона: «Запад покори́л мир не благодаря превосходству его идей, ценностей или религии (в которую были обращены немногие члены других цивилизаций), а именно благодаря *превосходству в применении организованного (внешне либерального идеологического, политического, экономического и технологического – Е. А.) насилия»* [7, с. 36] как формы проявления «социопатии», – воспринимается как «оговорочка по Фрейдю». «На Западе часто забывают об этом, в незападных цивилизациях это помнят постоянно» [Там же]. Все, кроме либерально настроенной части прозападной властной и интеллектуальной элиты, живущей неестественной – оторванной от реалий повседневной жизни «народа» и национальных интересов – «виртуальной» жизнью, для которой «свое» воспринимается как «чужое», а «чужое» принимается как «свое». Следование в фарватере европо-, а в эпоху политической глобализации – западоцентризма становится своего рода «духовной традицией» аутистско-социопатически настроенной либеральной прозападной элиты. Не удивительно, что неолиберальная прозападная элита (как показывают последние события на Украине) демонстрирует не только характерные признаки «аутизма», но и признаки «социопатии», прежде свойственной преимущественно Западу и западной элите. Разница состоит только в том, что если Запад слеп и глух по отношению к незападному миру как онтологически, антропологически и экзистенциально ему «*чужому*», то неолиберальная прозападная элита глуха и слепа к *своему* народу и враждебна *своим* национальным интересам как «*чужим*».

Такая постановка проблемы позволяет провести параллель между *побудительными причинами легитимации* авторитарной власти «верхов» до Нового времени, «правовых» принципов управления в западных тоталитарных государствах XX века и «презумпции невиновности» западной демократии в эпоху нынешней политической глобализации, в «плане выражения» «вынужденной» принимать меры по защите дефинитивно неопределимых «общечеловеческих ценностей» и «демократических прав и свобод» индивида, но в «плане

¹ Неприкосновенность личности и свобода выражения как либеральная теория и практика входят в категориальное противоречие с конституционными обязанностями гражданина, отчего между либерализмом и соблюдением естественных прав человека возникает перманентная «борьба», нашедшая выражение в противопоставлении, с одной стороны, индивидуальных и групповых как индивидуальных устремлений и социальных ожиданий – с другой. Но если либерализм возникает как проблема противостояния прав человека и закона (что является явным признаком социопатии), то с течением времени он трансформируется в средство достижения личных или групповых интересов/целей любыми средствами – как «*аутистский*» идеал западной «демократии» – в ущерб интересам и целям большинства. А это – еще один неопровержимо «социопатский» признак либерализма.

содержания» целенаправленно и последовательно ограничивающих права, свободы и ценностные ориентиры равноправных лишь в «плане выражения» собственных граждан и незападных мир-систем.

Как результат, обострение «синдрома аутизма» на «микроуровне» мир-системы Запада парадоксальным образом воспроизводится на «макроуровне» Мир-Системы в форме растущей раздробленности последней. В этой связи интерес вызывает тот факт, что, создавая теорию локальных цивилизаций, А. Тойнби, по сути, указывает на наличие *непреодолимой раздробленности* западноевропейской цивилизации, которая, сама страдая от навязываемого неевропейскому миру «культурного плюрализма» (как одной из форм мультикультурализма), нуждается в интеграции – «культурном монизме». Создание Евросоюза как последняя и прогнозируемо неудачная попытка «собираения земель»¹ не мир-экономически, а мир-культурно раздробленной Европы есть тому лучшее подтверждение. С этой точки зрения «синдром аутизма» как наследственная культурно-цивилизационная болезнь современного Запада становится естественной причиной необратимого заката западного мира и как мир-экономической, и как мир-культурной системы, а вместе с его закатом – распада скроенной по его лекалам Мир-Системы. Недопустимо только, чтобы «сакральной жертвой» распада последней стала Россия как системообразующий «сегмент» незападного мира, стоявшая у истоков созидания новой архитектуры современной Мир-Системы, требующей для ее построения по-настоящему нового Мир-Порядка.

Список литературы

1. Гегель Ф. Сочинения: в 14-ти т. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Т. 8. Философия истории. 468 с.
2. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 1. Историографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этноразвития культуры традиционного типа от первобытности к Возрождению. 383 с.
3. Оглезнев В. В. Трансформация государственной власти в условиях глобализации: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 165-173.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_voss/02.php (дата обращения: 03.06.2014).
5. Разумов В. И. Специализация функций города и села в общественном производстве // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Вып. 1. Т. 10. С. 59-64.
6. Розанов В. В. Демократизация живописи [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_demokratizaciya_jivopisi.html (дата обращения: 14.07.2014).
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33-48.
8. Шелер М. Проблемы социологии знания. Серия «Книга света». М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 304 с.
9. Шендрик А. И. Теория культуры. М.: Издательство политической литературы «Единство», 2002. 519 с.
10. http://paintballoff.ru/dywyfvte56/Мир-системный_подход (дата обращения: 26.10.2013).

SYNDROME OF AUTISM AS HEREDITARY CULTURAL-CIVILIZATIONAL DISEASE OF THE MODERN WEST IN THE LIGHT OF WORLD-SYSTEM ANALYSIS (EXPERIENCE OF CONCEPTUAL RECONSTRUCTION)

Antonova Elena Leonidovna
Belgorod State Institute of Arts and Culture
E-pi-fan@yandex.ru

Taranova Aleksandra Evgenievna
Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of the Russian Federation
ser.taranoff@yandex.ru

If the authors consider complete inability to hear and understand others demonstrated by the total modern West as inherited from ancient Europe cultural-civilizational syndrome of «autism», which characteristic feature is very limited and immutable set of reactions, behavioral acts and views, then liberalism is considered by the authors as a form of «sociopathy» of the ruling elite. Special attention is paid to the consideration of «town» and «village» in the light of world-system analysis as phenomena that evolved into the world-systems of the West (as a potential «town»), Russia and other non-Western cultures (as a potential «village» from the point of view of the West).

Key words and phrases: political globalization; world-system analysis; syndrome of autism as cultural-civilizational disease of the modern West; world-systems of «town» and «village»; conceptual reconstruction; liberalism as relapse of ruling elite's «sociopathy» manifestation.

¹ Первой была попытка создания в новых границах Священной Римской империи.